Страх? Пожалуй, немного. Но чтобы ненавидеть… О нет, этого и в помине не было. Лю И порывисто покачал головой.

— Не ненавидишь? — Ци Цзянь горько усмехнулся. — Если не ненавидишь, то почему пять лет назад… — На полпути он осёкся, так и не договорив.

Лю И опустил голову, не смея взглянуть ему в глаза.

— Действительно, — обронил Ци Цзянь.

В его голосе прозвучала такая щемящая тоска, что у Лю И сжалось сердце. Наследный принц резко развернулся и зашагал прочь.

«Да как же он ушёл? А как же наш уговор? Я ведь даже не успел заикнуться о том, чтобы он не брал наложниц до расторжения брака!»

Лю И интуитивно подался вперёд, пытаясь задержать его:

— Постой…

— Не беспокойся, твоих близких я пока не трону, — бросил Ци Цзянь, даже не повернув головы. Он остановился, глухо закашлялся, прижав руку к груди, а затем добавил: — До тех пор, пока ты будешь послушен.

Не дожидаясь ответа, он переступил порог и скрылся во дворе.

— Наследный принц, как вы? — в покоях главного двора слуга Сяосы испуганно мерил шагами комнату. — Может, лекарь сегодня напутал с дозировкой снадобья?

Ци Цзянь взглянул на испачканную тёмной кровью ладонь и едва заметно покачал головой. Когда кровь вышла, давящая боль в груди немного утихла. Нахмурившись, он на мгновение задумался, а затем холодно приказал:

— Ступай. Достань из тайника у изголовья моей постели шкатулку и отнеси её Лю И.

Сяосы поспешил исполнить наказ, но когда извлёк сверток из потайного ящика, лицо его выражало крайнее замешательство.

— Иди, — Ци Цзянь махнул рукой. — Передай ему…

Сяосы покорно склонил голову, ожидая продолжения, но принц внезапно замолчал. Помедлив,

он зашагал к двери, перехватив сверток из рук слуги:

— Впрочем, нет. Я отнесу это сам.

Лю И едва успел допить остывающий чай, безуспешно пытаясь успокоить растрепанные чувства после внезапного ухода супруга, как тот снова возник на пороге. И не один — в руках он держал стопку пожелтевших от времени бумажных листов.

Лю И озадаченно захлопал глазами, глядя на эту ветхую пачку. Внутренний голос подсказывал, что ничем хорошим это не кончится, и он невольно напрягся.

— Не бойся, — ровным голосом произнёс Ци Цзянь.

Он опустил бумаги на столик и потянулся было пальцами к подбородку Лю И, но на полпути его рука неестественно замерла, после чего он резко сменил направление. Он бесцеремонно взял чашку Лю И и слегка покачал её, глядя на колышущийся чайный настой:

— Ты ведь у нас великий талант, чей разум глубок, а слог льётся полноводной рекой? Изволь до захода солнца исписать эти листы стихами. Справишься — я забуду твою сегодняшнюю провинность. Но если нет…

«Это ещё что за новости? Экзамен по словесности или сочинение на заданную тему?»

Лю И мысленно застонал, проклиная судьбу. За какие грехи ему досталось это наказание? И главное — в чём же он успел провиниться на этот раз?

— Почему молчишь? — Ци Цзянь со стуком опустил чашку на стол. — Неужели всё ещё раздумываешь, как бы от меня сбежать?

Лю И бессильно махнул рукой. Тягаться с логикой Ци Цзяня было бесполезно, а уж доказывать свою невиновность — тем более.

«Подумаешь, пару страниц накатать…»

Смирившись с участью, он придвинул к себе стопку старых листов, небрежно перелистнул их и вздохнул:

— Да нет, я просто думаю… Есть ли какие-то требования к размеру иероглифов?

Ещё во времена учёбы в Императорской академии Лю И славился феноменальной ленью, когда дело доходило до каллиграфии. Если была хоть малейшая возможность сократить фразу или

обойтись парой знаков вместо длинного пассажа, он пользовался ею без малейших угрызений совести.

Ци Цзянь прекрасно помнил эту его слабость. Из-за приличного почерка и забавных упрощённых иероглифов, которые Лю И частенько выдумывал на ходу, сокурсники в шутку прозвали его «скупым на слова».

«Тоже мне, "скупой на слова"! Обычная лень и вечные ошибки», — мысленно усмехнулся Ци Цзянь.

Но, глядя на унылое лицо мужа, он всё же решил проявить каплю милосердия:

— Пиши как хочешь. Но есть одно условие.

Лю И уставился на него широко распахнутыми, полными мольбы глазами.

— Поэтическая дуэль летящих цветов. Ключевое слово — «сердце».

Глаза Лю И округлились ещё сильнее, но жалость в них мгновенно сменилась чистейшим потрясением.

— Неужели всё позабыл? — холодно бросил Ци Цзянь и, не утруждая себя дальнейшими объяснениями, отрезал: — Не управишься до ужина — пеняй на себя.

«Да что мне писать-то?!»

Лю И готов был разрыдаться. Лет шесть-семь назад, едва закончив школу в своём мире, он ещё помнил наизусть школьную программу и без труда мог набросать пару классических стихотворений.

Но после пяти лет беспрерывной службы на дикой границе в его голове прочно закрепились лишь приёмы рукопашного боя да тактика владения мечом. Заставлять его сейчас сочинять изящную поэзию было изощрённой пыткой!

Видя, что тот даже не прикасается к кисти, Ци Цзянь заметно помрачнел:

— Не желаешь?

«А если я скажу, что разучился, ты поверишь?»

Лю И обречённо вздохнул, покусывая губу. Сам виноват: в юности так усердно создавал образ

утончённого гения, что теперь слава «великого таланта Лю» душила его мёртвой хваткой. Выпутаться из этой ловушки без потерь казалось невозможным.

— Так ты берёшься или нет? — Ци Цзянь раздражённо свёл брови к переносице, чувствуя, как в груди снова нарастает тупая, тянущая боль.

— Пишу, пишу! Уже пишу! — затараторил Лю И, заметив, как стремительно темнеет лицо собеседника.

Получив согласие, он медленно потянулся за кистью, затем принялся неторопливо растирать тушь на тушечнице. Прошло столько времени, за которое можно было выпить чашку чая, а на чистом листе не появилось ни единой точки.

Ци Цзянь медленно отпивал чай, наблюдая, как Лю И в растерянности чешет затылок и крутит кисть в пальцах. Глядя на эти мучения, наследный принц почувствовал, как раздражение угасает, уступая место лёгкой, непрошеной улыбке.

Если бы бывшие сокурсники и умудрённые наставники из академии увидели сейчас своего «великого таланта», славящегося безупречными манерами и феноменальной эрудицией, в столь нелепом виде, они бы наверняка лишились дара речи.

В конце концов Лю И, тяжело вздыхая и покусывая кончик бамбукового древка, придвинул к Ци Цзяню один из листов:

— Вот… Посмотри, так пойдёт?

Ци Цзянь, всё ещё витая в тёплых воспоминаниях юности, перевёл на него взгляд, смягчившийся вопреки воле. На губах его играла едва заметная улыбка. Он опустил глаза на лист бумаги, где посреди широкого разграфлённого поля красовались всего две короткие строчки:

Коль суждено умереть — пусть чистая верность моя

Светом нетленным горит в вечных скрижалях времён.

Ци Цзянь лишь молча воззрился на него.

— Ну да, не подходит, — уныло констатировал Лю И, ничуть не удивлённый реакцией принца. Он изначально не питал иллюзий на свой счёт.

Зажав кисть в зубах, он вернулся на своё место. Какое-то время он сидел неподвижно, напряжённо размышляя, как вдруг встрепенулся, быстро обмакнул кисть в чернила и принялся яростно выводить иероглифы один за другим.

На самом деле Ци Цзянь и не ждал от него поэтических шедевров. Ему просто нужен был предлог, чтобы побыть в покоях своего законного супруга подольше. Но теперь, глядя на то, с каким усердием Лю И выводит строчку за строчкой, он почувствовал искреннее любопытство.

«Что же он пишет на этот раз? «Обрести бы то самое сердце, чтобы вместе состариться и никогда не расставаться»? Или, быть может: «Моё сердце томится по тебе, но тебе о том неведомо»? Спустя столько лет Ци Цзянь вынужден был признать: те стихи, что он когда-то слышал от Лю И, были поистине прекрасны. Каждая строчка врезалась в память навсегда.»

Лю И творил долго. Лишь когда солнце коснулось вершин западных холмов, он наконец размял затёкшие пальцы и осторожно подул на влажные чернила на последнем листе.

Ци Цзянь негромко закашлялся, прижав ладонь ко лбу и устало массируя виски.

— Тебе нездоровится? — Лю И встревожился. Отложив бумаги, он подошёл ближе. — Что с тобой? Давай позовём придворного лекаря?

Ци Цзянь понимал, что это начинает действовать снадобье. Он слабо отмахнулся и забрал исписанные листы. На этот раз иероглифы были заметно мельче — на каждой странице теснилось не меньше нескольких десятков знаков. Одно лишь это количество превзошло все ожидания принца. Заинтригованный, он вчитался в неровные строчки на первом листе:

Легкий поцелуй растревожил моё сердце,

Глубокая привязанность заставляет тосковать и поныне.

Ци Цзянь ошеломлённо поднял на него взгляд.

— Ну как, годится? — робко спросил Лю И. — Просто ничего другого я вспомнить не смог.

Слова «не смог вспомнить» подействовали на Ци Цзяня как ушат ледяной воды. Очарование момента мгновенно рассеялось. Сделав глубокий вдох, он небрежно бросил исписанный лист обратно на стол.

«Даже такая классика не угодила?»

Лю И мысленно махнул на всё рукой. Интересно, если соврать, что на поле боя он упал с лошади и напрочь отшиб себе память, поверит ли ему Ци Цзянь?

— О, великий талант Лю, скажи мне на милость… разве это стихи? — Ци Цзянь коснулся длинным изящным пальцем неровных строчек. На его бледной коже остался едва заметный красноватый след.

— Ну… стихи и песни ведь всегда идут рука об руку, — пробормотал Лю И, виновато опуская голову. Взгляд его случайно зацепился за красное пятнышко на пальце принца, и он замер.

За пять лет на границе он научился безошибочно отличать краску от крови. Этот след на коже Ци Цзяня был слишком тёмным, слишком характерным.

«Хотя постой… Вдруг это птичья кровь? Куриная или утиная? Но с какой стати наследному принцу возиться с домашней птицей?»

Ци Цзянь заметил его взгляд и скользнул глазами по собственным пальцам. Без тени смущения он взял лист с двустишием о верности отечеству и неторопливо вытер руку.

— Песня, говоришь? Что ж, ладно. Если сможешь её спеть, я зачту это как выполненное задание.

Петь Лю И хотелось меньше всего на свете, но грозный вид супруга не оставлял выбора. Пришлось подчиниться.

Кое-как, безбожно фальшивя, он пропел мотив «Луна представляет моё сердце». Несмотря на то, что за годы суровой пограничной службы кожа Лю И успела загрубеть, а стыдливость почти сошла на нет, сейчас его щёки пылали густым румянцем от неловкости.

Ци Цзянь же, напротив, заметно повеселел. Он слегка ущипнул Лю И за раскрасневшуюся щёку, аккуратно сложил все листы и в прекрасном расположении духа покинул его флигель.

Лишь к ночи Лю И наконец перестал терзаться позором своего импровизированного выступления. Однако, лёжа в постели без сна, он то и дело мысленно возвращался к той едва заметной багровой полоске на бледных пальцах супруга.

В это же самое время во дворце Ци Цзянь полулежал на мягких подушках, держа в руках один из пожелтевших листов.

— Наследный принц, вам пора отдыхать, — тихо произнёс вошедший Сяосы. В руках он держал медный таз с тёплой водой, на дне которой расплывались тонкие алые нити.

Ци Цзянь не успел ответить — его содрогнул приступ затяжного, мучительного кашля. Сяосы поспешно поднёс таз ближе. Принц отвернулся и после недолгих хрипов сплюнул скопившуюся в груди тёмную кровь. Напряжение в лёгких сразу спало, дышать стало ощутимо легче. Привычным жестом он взял предложенную слугой чашу, прополоскал рот и вновь потянулся к бумагам.

На следующем листе красовались строчки совсем другой песни, разительно отличавшейся по настроению от предыдущей:

Давай сплетём твоё сердце и моё в одну гирлянду,

Свяжем из них веточку счастливого клевера,

Сомкнём в единый круг согласия.

Пусть все надежды на будущее исполнятся,

Пока молодость сияет в наших душах.

Проведя подушечкой пальца по бумаге, Ци Цзянь всмотрелся в неровные, местами небрежно упрощённые иероглифы и тихо рассмеялся:

— Пять лет прошло… Сам он почти не изменился, но почерк его стал ещё причудливее.

Сяосы, прекрасно понимая, о ком говорит господин, вытянул шею, заглянул в листок и сочувственно кивнул.

— Помнишь, как я впервые попробовал вино? — Ци Цзянь, почувствовав облегчение после приступа, неожиданно разоткровенничался. — Я тогда выпил за него всего три чарки, а он наотрез отказался позволять мне пить дальше. Мало того, забрал всю мою долю и осушил её сам, до капли.

Ци Цзянь опустил взгляд на бумагу и, помолчав, покачал головой с тёплой, снисходительной улыбкой:

— Каким же глупым ребёнком я был… Всего три чарки, а захмелел так, что ног под собой не чуял.

— Наследный принц тогда был совсем юн, вам ведь едва исполнилось тринадцать, — негромко отозвался Сяосы, тоже уносясь мыслями в прошлое.

В те дни они только-только вернулись в столицу. Князь Ци ещё правил своими землями, беда не постучалась в их дом, а наследный принц оставался чистым, наивным подростком. Он ничего не знал о придворных интригах, заговорах и предательстве, да и вкуса хмельного толком не ведал.

Лю И, который был на год старше, к тому же незадолго до этого получивший от Ци Цзяня редкую возможность полюбоваться диковинным цилинем в Императорском зверинце, почувствовал себя обязанным. Заметив, что юный принц совершенно не умеет пить, он наотрез отказался уступать. Как бы ни настаивал Третий принц Хуа Цюн со своими прихвостнями, Лю И не отступил ни на шаг и в одиночку опустошил все чарки, причитавшиеся обоим.

Возможно, именно та хмельная ночь разрушила невидимую преграду между ними. С тех пор наследный принц Ци и Лю И сделались неразлучны.

Сяосы до сих пор отчётливо помнил утро пятнадцатого дня рождения своего господина. Обычно равнодушный к нарядам, в тот день Ци Цзянь поднялся задолго до рассвета. Почти полчаса он придирчиво разглядывал себя в бронзовом зеркале, выбирая одеяние по вкусу.

Слуги сбились с ног, умывая его, укладывая волосы и подбирая украшения: драгоценная нефритовая подвеска, парадный венец, пояс, расшитый серебряной нитью, и даже налобная лента — ни одна деталь не осталась без внимания. Когда все сборы наконец завершились, на востоке едва забрезжил рассвет.

Наскоро позавтракав в покоях своей матушки, госпожи Цзян, Ци Цзянь ещё раз оправил складки халата и велел вести своего любимого коня. Солнце только поднималось над горизонтом, окрашивая облака в нежно-розовые тона, когда они покинули ворота усадьбы.

Сяосы следовал за господином по пятам. Они выехали из городских ворот и устремились на восток. Проделав путь почти в двадцать ли, всадники наконец достигли места, где юный принц условился встретиться с Лю И.

http://bllate.org/book/20072/2001746